

ЭРИКА ФАТЛАНД

ПОХИЩЕННАЯ ЗИМА

Как дети победили преступников,
пытавшихся подчинить себе
всю планету

Paulsen
2018

УДК 82-32
ББК 84(4Нор)-445
Ф27

Erika Fatland
VINTERKRIGEN

Перевод с норвежского Дарьи Солдатовой
Рисунки Мариуса Ренберга

Перевод с норвежского осуществлён
при финансовой поддержке фонда NORLA.
This translation has been published
with financial support of NORLA.

Фатланд Э.

Похищенная зима: для школьного возраста: – М.:
Паулсен, 2018. – 192 с., 51 илл.

Живой, ироничный, интересный детский детектив на взрослую тему. В начале декабря метеорологи бьют тревогу. В течение нескольких недель все газетные заголовки кричат только об одном: «Экстремальное лето продолжается!» Не только в Норвегии, но и по всему Северному полушарию жара и духота, а температура продолжает достигать новых высот. Зимние Олимпийские игры должны состояться в Тромсё, но где снег? Девочка Ханна, юный детектив-любитель, понимает, что отсутствие зимы – происки международных злодеев, пытающихся контролировать погоду. Вместе с Оскаром, мелким воришкой и отважным парнем, она спасёт мир.

Автор Эрика Фатланд так говорит о книге: «Я думаю, что „Похищенная зима“ – это развлекательная и экшен-история, своего рода Джеймс Бонд для детей, рассказывающая про очень серьёзные проблемы».

ISBN 978-82-02-36200-3 (норв.)
ISBN 978-5-98797-202-1 (рус.)

© by Erika Fatland
and Marius Renberg 2017
Published by agreement with
Copenhagen Literary Agency ApS,
Copenhagen.
© Паулсен, 2018

1. Бабья зима

БАБЬЕ ЛЕТО, или индийское лето, – это период необычно тёплой осенней погоды в Северном полушарии. Термин индийское лето связан с индейцами Северной Америки, которые отправлялись на охоту на зубра осенью, как позволяла погода.

*Из книги «Всё о погоде»
государственного метеоролога Ханса В. Шторма*

В декабре метеорологи забили тревогу. Газеты уже несколько недель только и писали: «Жара не спадает!»; «Знаменитая танцовщица заявила: В этом году мы будем отмечать сочельник* на пляже!»; «Отменяйте поездки на юг на Рождество – дома теплее!» Люди покупали газеты чаще, чем когда-либо. Если и есть что-то, чем норвежцы увлечены больше спорта, так это погода.

В Осло, норвежской столице, градусник показывал 32 градуса, солнце сияло на безоблачном небе, а в море вода была теплее, чем в бассейне. Большинство перелётных птиц даже попытки не делало отправиться на юг; сообщали также, что стая ласточек развернулась на полпути к Африке и снова летит на север. Листва на деревьях была такая же зелёная, как 17 мая**, разве что слегка высушенная солнцем по краям, а розы и одуван-

* Сочельник – так называется вечер, который предшествует празднику Рождества.

** 17 мая в Норвегии отмечают национальный праздник – День Конституции.

чики цвели полным ходом. Фабрики мороженого работали день и ночь, чтобы изготовить достаточно сладкого лакомства. Хотя по календарю уже давным-давно был декабрь. Рождественская торговля шла хуже, чем когда-либо за долгие годы.

От Линдеснеса на юге до Хаммерфеста на севере ученики сидели за партами, мокрые от пота, разморенные и ленивые от жары. Не спасало даже то, что учителя держали окна закрытыми, чтобы жаркий воздух не проникал в класс. В школе есть обогреватели, но нет кондиционеров. После уроков все отправлялись на ближайший пляж, где взрослые и дети плескались в воде, пока не садилось солнце или кожа не сморщивалась от воды. В последние недели стало привычным брать долгие обеденные перерывы с полуденным отдыхом, или сиестой*, как теперь говорили. Всё чаще звучал ответ *таñана, таñана*, завтра, завтра на просьбу что-нибудь сделать. Обедать садились поздним вечером, а иногда и после полуночи, в прохладные благословенные часы, когда спадала жара.

* Сиеста – испанское слово, означающее дневной сон. В жарких странах из-за высокой температуры люди не могут работать днём и традиционно отдыхают, спят, чтобы снова начать трудиться к вечеру, когда жара спадёт.

Не только в Норвегии температура побивала все новые рекорды. Во всей Северной Европе стояла жаркая погода. Финны перестали ходить в парилку, вместо этого они представили совершенно новый концепт «холодилка». Дед Мороз в своей резиденции Рованиеми мешками получал письма от детей, обеспокоенных предстоящим празднованием Рождества. Сможет ли он раздавать подарки в такую жару?

Одновременно сообщали о непривычно холодной погоде в Средиземноморье. В Италии абсолютно замерла продажа солнцезащитных очков и сандалий, зато значительной популярностью пользовались обогреватели. В Сахаре дети катались на пластиковых пакетах по заснеженным песочным дюнам, а в Греции рассекали от острова к острову на новеньких коньках.

Природа совсем сошла с ума. Неделями метеорологи чесали в затылках, но не могли понять, в чём дело. Вышел ли из-под контроля процесс изменения климата? Сместились ли полюса Земли? Вошло ли Солнце в новый цикл? Или речь идёт о естественной, хотя и экстремальной вариации такого феномена, как бабье лето, так называемая «бабья зима»? Земной шар лихорадило. Необходимо лечение, причём срочное.

Другими словами, ситуация была очень серьёзная, а для кое-кого, например, для министра Олимпийских игр Андерса Рейна, просто критическая. Он помнил тот злополучный день даже лучше, чем день рождения собственного сына:

«И победителем становится...»

Андерс так сильно сжал зубы, что на них треснула эмаль. Он столько раз разочаровывался за эти годы. Калгари, Нагано, Сочи... Даже Лиллехаммер принимал Олимпийские игры. Полжизни он целенаправленно и упорно работал ради этого дня. 34 года, на год дольше, чем длился уже его брак, он покупал рождественские подарки для президента Международного олимпийского комитета дороже, чем для собственной жены. Он отдавал всё. Каждые четыре года в надежде на новый шанс. И каждые четыре года проигрыш. Сколько разочарований может вынести человек? И вот Андерс услышал долгожданное...

«...Тромсё!»

Андерс Рейн плакал от радости. Слёзы и сопли смешались вместе в победном ликовании. Наконец-то мир обратил свой взор на его родной город Тромсё, эту популярную драгоценность Северной Европы. Город будет сиять, здесь будут игры всех времён и народов, и все, абсолютно все, будут здесь. Церемония открытия вой-

дёт в историю как самая дорогая. Олени, саамы, викинги, парад детей, хардангерские скрипки и настоящие принц и принцесса – ни на чём нельзя экономить! Тысячи объектов камер крупных международных телевизионных каналов – самых крупных! – смогут запечатлеть магическое северное сияние, мерцающие белые дюны, завораживающие горы и величественные пенные волны Северной Атлантики.

Когда Андерс Рейн вытер слёзы радости и смог взять себя в руки, он услышал заключительную часть речи президента Олимпийского комитета. Аргумент, который в конечном счёте убедил комиссию, как узнал Андерс, был так же прост, как и неоспорим: какие ещё города могут гарантировать снег и холодную погоду на зимней Олимпиаде во времена глобального потепления?

Снег гарантирован. Андерс Рейн снова и снова подчёркивал это в заявке. *Чудесная зимняя страна. 100%-ная гарантия снега.* Он даже приложил образец свежего белого снега из Тромсё в специально сконструированном небольшом холодильнике.

Почти ровно восемь лет спустя Андерс Рейн сидел в Олимпийском офисе на Конгенс-гата в Тромсё и плакал, но на этот раз по его щекам катились не слёзы радости. Чёрная пышная грива волос поседела и поредела за эту осень. Из панорамного окна открывался вид на центр города. Сейчас его родной город напоминал больше португальскую рыбацкую деревню, чем полярную драгоценность Северной Европы. Некоторые местные жители ходили за покупками в супермаркет в пляжных шортах и сандалиях. Многие из уборщиков снега уволились с работы и занялись прокатом водных лыж.

Олимпиада быстро приближалась, а с каждым днём становилось только жарче и жарче. Не было и снежинки в поле зрения. Вероятно, это будут самые грустные зимние игры в истории, и Андерсу Рейну ничего не оставалось делать, как молиться высшим силам и заказывать ещё больше снежных пушек.

2. УГОНЩИК ВЕЛОСИПЕДОВ

ВЫСОКОЕ АТМОСФЕРНОЕ ДАВЛЕНИЕ – область, где давление атмосферного воздуха выше, чем в прилегающих районах. Сопровождается безветренной и хорошей, стабильной погодой.

*Из книги «Всё о погоде»
государственного метеоролога Ханса В. Шторма*

Худощавый велосипедист тормозил всем, чем мог, руками и ногами, пока оба колеса не замерли на месте. Он взвизгнул, когда его подбросило вверх. Через полсекунды мальчик приземлился на попу перед ногами небольшой девочки, стоявшей прямо посреди тропинки.

– В лесу на велосипеде кататься запрещено! – предупредила она строго. Девочка перешагнула через упавшего велосипедиста и стала пристально рассматривать велосипед. – Кроме того, велосипед украден! – Она подбоченилась и поджала губы. – Красть велосипеды строго запрещено!

Несмотря на жару, девочка была одета в светлое длинное пальто. Широкий воротник был поднят и частично скрывал её лицо. Волосы она заправила под клетчатую кепку, по типу той, что любят носить дедушки. На ногах у неё были сандалии, единственный признак того, что на дворе очень тепло.

– Тобиас Хауген заявил об угоне велосипеда четыре дня назад, – заметила девочка и наклонилась над

рулём. – Точно соответствует описанию. Даже наклейка от Чемпионата Норвегии по метанию гвоздодёра на месте! – отметила она, указывая на продолговатый, поблёкший знак рядом с ручным тормозом.

– велосипед не совсем был украден, я его только позаимствовал ненадолго, – слабо возразил угонщик.

– Кому-нибудь другому будешь лапшу на уши вешать, – заявила девочка серьёзно. – Вставай! Ты арестован за кражу, а также за дачу ложных показаний.

Тощий мальчик поднялся из грязной лужи. Теперь, когда он выпрямился, стало очевидно, что он был поразительно высок, почти в два раза выше, чем девочка, которая в свою очередь была непривычно маленького роста. Его рыжие волосы торчали во все стороны, на нём были укороченные джинсы и выцветшая футболка с надписью *Save Mother Earth*^{*}.

– Кто ты вообще такая? – спросил он, пытаясь отряхнуть грязь, что совсем не помогло, он только размазал её и стал ещё грязнее. – Ты просто ребёнок в чересчур большой одежде.

– Я не ребёнок, мне двенадцать лет, то есть прошло две трети до совершеннолетия, – поправила девочка. – Так что будь любезен пройти со мной в полицию сейчас же. Я не могу возиться с тобой целый день!

Но мальчик не обращал на неё внимания. Насвистывая, он взялся за руль и вытащил велосипед из лужи. Он свистел тонко и непривычно, напоминая меланхоличное чириканье снегиря, а потом стал выводить почти дразнящие трели зеленушки.

^{*} Спасти матушку-природу (англ.).

Мальчик как раз собирался сесть на велосипед, когда услышал слабый металлический щелчок. И сразу ещё один, и что-то твёрдое и холодное давило на правое запястье. Пара прочных наручников крепко приковала его к руке девочки.

– Эй, отпусти меня! – запротестовал он.

– Как я уже сказала, я не могу возиться с тобой целый день, – проговорила девочка и забрала у него велосипед. Лёгким движением она опустила сиденье и собиралась уже поехать, как заметила коричневый предмет, наполовину торчащий из вереска, наклонилась и подняла его.

– Мало того, что ты украл велосипед у бедного старого Тобиаса, так ещё и бумажник его прихватил! – воскликнула она. – Это очень серьёзно!

– Это не его, – вырвалось у мальчика.

– Нет? – девочка скептически открыла бумажник. Он был полон пластиковых карт, визитных карточек и разноцветных банкнот. Мальчик действительно говорил правду: это не бумажник Тобиаса. Она положила его во внутренний карман пальто и села на велосипед.

И тут же велосипед потащил угонщика за правую руку.

Пристав Тронд Гуннар Вандел сидел в любимом кресле и тянул уже третью за день чашку кофе со льдом, когда в комнату забежал Людвиг.

– Гав! – пролаял Людвиг. – Гав!

Большая редкость, что Людвиг гавкал более одного раза, так что Тронд Гуннар сразу понял: что-то происходит. Он поднялся и вперевалочку подошёл к окну. Внизу по дороге на чересчур большом велосипеде еха-

ла его деловая дочь Ханна, а рядом с ней бежал очень высокий и очень грязный мальчик.

Тронд Гуннар покачал головой и вышел на лестницу встретить процессию.

– Я поймала угонщика с поличным! – крикнула она, запыхавшись. – И подаю тебе его на блюдечке!

Девочка спрыгнула с велосипеда и вытянула руку, скреплённую наручниками с мальчиком. У парня лицо было такое же красное, как и торчащие во все стороны рыжие волосы, а футболка намочла от пота. Отец так и остался стоять, беспомощно свесив руки по обе стороны от кругленького живота.

– Я надеюсь, у тебя есть свободная камера в тюрьме, папа?

– Так, давайте немного успокоимся, – сказал отец и глубоко вздохнул. – Рассказывай всё с самого начала.

– Я гуляла в лесу, когда этот негодяй на дикой скорости нёсся на велосипеде. Поскольку он представлял опасность для себя и окружающих, я его остановила. Когда же я пригляделась к велосипеду, то обнаружила, что это тот самый велосипед, об угоне которого заявил старый Тобиас четыре дня назад. Поэтому я попросила подозреваемого пройти со мной в полицию, а когда он отказался это сделать добровольно, вынуждена была использовать мягкое принуждение, – рассказывала Ханна взмахивая, с горящими глазами.

– Так всё и было? – спросил Тронд Гуннар у вспотевшего мальчика.

– Я собирался только одолжить велосипед, – ответил он и усмехнулся. – Я как раз направлялся, чтобы вернуть его, как меня арестовали. Это правда, ей-богу, клянусь!

– Так, понятно, тогда это меняет дело, – произнёс Тронд Гуннар и почесал загоревшую голову. – Одалживать велосипеды, собственно говоря, не запрещено, хотя, конечно, лучше сначала спросить.

– *Папа!* – запротестовала Ханна. – Не слушай его! Он врёт, неужели ты не понимаешь?

– Мы всегда должны исходить из презумпции невиновности. Как правило, это самое лучшее решение, – сказал отец и затем обратился к мальчику: – Но ты должен пообещать вернуть велосипед обратно сегодня. И кроме того, ты должен попросить у Тобиаса прощения. Обещаешь?

– Конечно! – ответил мальчик. – Как только с меня снимут наручники, я верну велосипед и извинюсь, обещаю!

– Что я говорил об играх с наручниками, Ханна? – повернулся он к дочери. – Ты ведь знаешь, что полицейские дела – это не повод для игр.

Ханна неохотно достала ключ из кармана пальто и открыла наручники. Мальчик потер запястье и подул на красные следы, оставшиеся от металла.

– Больно? – спросил Тронд Гуннар обеспокоенно. Ханна закатила глаза, но ничего не сказала.

– Да нет, не очень, – ответил мальчик и смело улыбнулся. Прежде чем сесть на украденный у Тобиаса велосипед, он бросил на Ханну никак не меньше, чем победоносный взгляд. На нагретом солнцем гравии после его отъезда поднялось облако пыли.

– О, папа, ты порой такой *наивный*, – посетовала Ханна. – Как такие, как он, когда-нибудь научатся, если за свои проступки они никогда ничего не получают? Ты слишком мягкосердечный!

– С годами мы становимся не такими резкими, наши бока округляются, – ответил ей отец и вытер пот со лба. – Кстати, – начал он и похлопал себя по большому животу, – есть хочешь?

Как обычно, они обедали в саду. Уже много недель они не ели внутри дома. Отец приготовил их любимое блюдо – *спагетти болоньезе* – и разложил большие порции.

– *Buon appetito!** – как-то много лет назад отец ходил на курсы итальянского и использовал любую возможность, чтобы вставить одно из девятнадцати итальянских выражений, которые всё ещё помнил.

– *Grazie*** – ответила Ханна.

Довольно долго слышны были причмокивание и чавканье над столом и тяжёлое дыхание из-под стола. Розовый язычок Людвига свисал над травой. Было уже темно, и листья деревьев шелестели при вечернем ветерке. Свет свечей, которые зажгёт отец, мерцал на лёгком ветерке, и тени были длинные и волнообразные. Далеко вдали виднелся свет соседского сарая.

Ханна и её отец жили одни в большом жёлтом доме на маленьком уступе на склоне горы в местечке, называемом Люрдал. Люрдал был меньше города, но больше деревни, поэтому его называли «густонаселённым», что довольно обманчиво. Люди вовсе не жили плотно друг к другу. До ближайшего соседа было так далеко, что только в бинокль можно было мельком его увидеть.

– По крайней мере, ты напишешь отчёт? – спросила Ханна, когда отец накладывал себе уже третью порцию.

– Отчёт? – эхом отозвался отец.

* Приятного аппетита! (*ит.*)

** Спасибо (*ит.*).

– Да, ты прекрасно знаешь, что ты должен написать отчёт, когда случаются такие вещи.

– Какие такие? – отец непонимающе смотрел на неё.

– Такие, когда ловишь угонщика с поличным, а затем спокойно его отпускаешь, без лишних слов.

– Поскольку сегодня воскресенье, я собственно не на работе, – ответил отец, подумав немного. – Сойдёт на этот раз.

Ханна вздохнула. Так типично для отца. Он думал всегда самое лучшее обо всех и старался по возможности избегать сложных решений. Частенько она задумывалась над тем, почему из всех профессий отец решил выбрать именно службу в полиции. Ему бы следовало стать садовником или почтальоном или выбрать ещё какую-нибудь приятную и безвредную работу. Однажды она спросила его об этом прямо. Вопрос, казалось, его удивил. Потому что мой отец, а до того его отец тоже были полицейскими, ответил он. Так заведено в нашей семье.

– Сердишься? – отец посмотрел на неё встревоженно.

– Нет, я не сержусь, – ответила она спокойно. – Просто я думаю о том, что бы было с этим миром, если бы все полицейские были такими же добрыми и снисходительными, как ты.

Этого никогда бы не случилось. Иначе начался бы хаос.

Через открытые двери доносился шум программы новостей. Олимпийский комитет беспокоится, но пока ещё не потерял надежду, что жара закончится и всё вернётся на круги своя. После сообщения шло долгое интервью с министром Олимпийских игр Андерсом Рейном и знаменитым лыжником. Слова «кризис»

и «паника» большими буквами были написаны на их лицах.

– Жду не дождусь, – вздохнул отец и вытер капли пота со лба.

Хотя солнце давно зашло, всё ещё было жарко. Шесть недель подряд длились тропические ночи. Лето было хорошим, но не жарче, чем обычно. В сентябре стало немного холоднее. Ночная температура опустилась, и люди, животные, растения начали готовиться к осени. Но она так и не наступила. Октябрь стал самым тёплым месяцем за прошедший год. Народ начал отменять поездки на юг в последнюю минуту и занимать места на пляже на норвежском побережье. Мало кто ожидал, что это будет продолжаться долго. Этого просто не могло быть. Это было ненормально, экстраординарно, за пределами всякого разума. Осталось всего четыре дня до Рождества, а погода была жарче, чем когда-либо.

На экране появился пожарный в шлеме. Опасность лесных пожаров достигла рекордного уровня, и шашлыки на природе строго запрещены, наставлял он. Потом показывали поездку королевской семьи: они хотели купить кондиционер для дворца. Многие политические партии выразили протест, поскольку считали, что королевская семья должна держать окна открытыми и обедать в саду, как и все остальные.

Вдруг экран потемнел. Свет в соседском сарае тоже погас.

– Ну вот, опять, – вздохнул отец. – После того как Ларс Букк начал ремонтировать старый отель, без конца перебои с электричеством.

– Может, тебе следует отправиться туда и проверить, в чём дело? – предложила Ханна.

– Думаю, что Букк достаточно аккуратен, – ответил отец. – Он всё-таки министр сельского хозяйства. Кроме того, электричество пропадает ненадолго.

В этот момент тихо щёлкнул телевизор, и картинка вернулась. На экране корреспондент Норвежской государственной телекомпании в России находилась перед роскошным зданием мятно-зелёного цвета. Рядом с ней стоял элегантный невысокий человек с ухоженной седой бородкой и в толстых чёрных очках. На шею он повязал оранжевый шёлковый шарф. Обрывки радостных новостей доносились до них в саду: *...Уникальная коллекция «Шторм в европейском изобразительном искусстве» норвежско-русского миллиардера и коллекционера произведений искусства Григория Адамовича Варварина... открылась в октябре в Эрмитаже... люди со всего мира устремились сюда... рекорд посещаемости... невероятно... только заказать билеты в Санкт-Петербург...*

– Варвар-ин, – хмыкнул отец, – ничего себе фамилия! Коллекция произведений искусства варвара, ха-ха-ха!

– Не будь ребёнком, – сказала Ханна. – Варварами древние греки называли негреков. Они их так называли, потому что не понимали их речь. Когда иностранцы пытались говорить по-гречески, это звучало как *бла-бла*, или *бар-бар* в ушах греков. Так как мы не греки, то мы тоже варвары, по крайней мере, в глазах греков.

– Всё равно немного смешно, – пробормотал отец и склонился над кастрюлей, чтобы положить себе четвёртую порцию.

Государственный метеоролог Ханс В. Шторм вошёл в ТВ-студию. Вся карта Норвегии была усеяна маленькими жёлтыми солнышками.

– Без одной минуты двенадцать, – сообщил Шторм своим характерным резким басом, так хорошо всем известным. Он выглядел старым и усталым. За осень тёмные мешки под глазами настолько увеличились, что глаза превратились в узкие щёлки. Его волосы были уже не с проседью, а белые как мел.

– На сегодняшний день человечество оказалось перед своим самым большим кризисом, – продолжил Шторм и махнул рукой в сторону жёлтого солнца. – Это, дамы и господа, это не нормально.

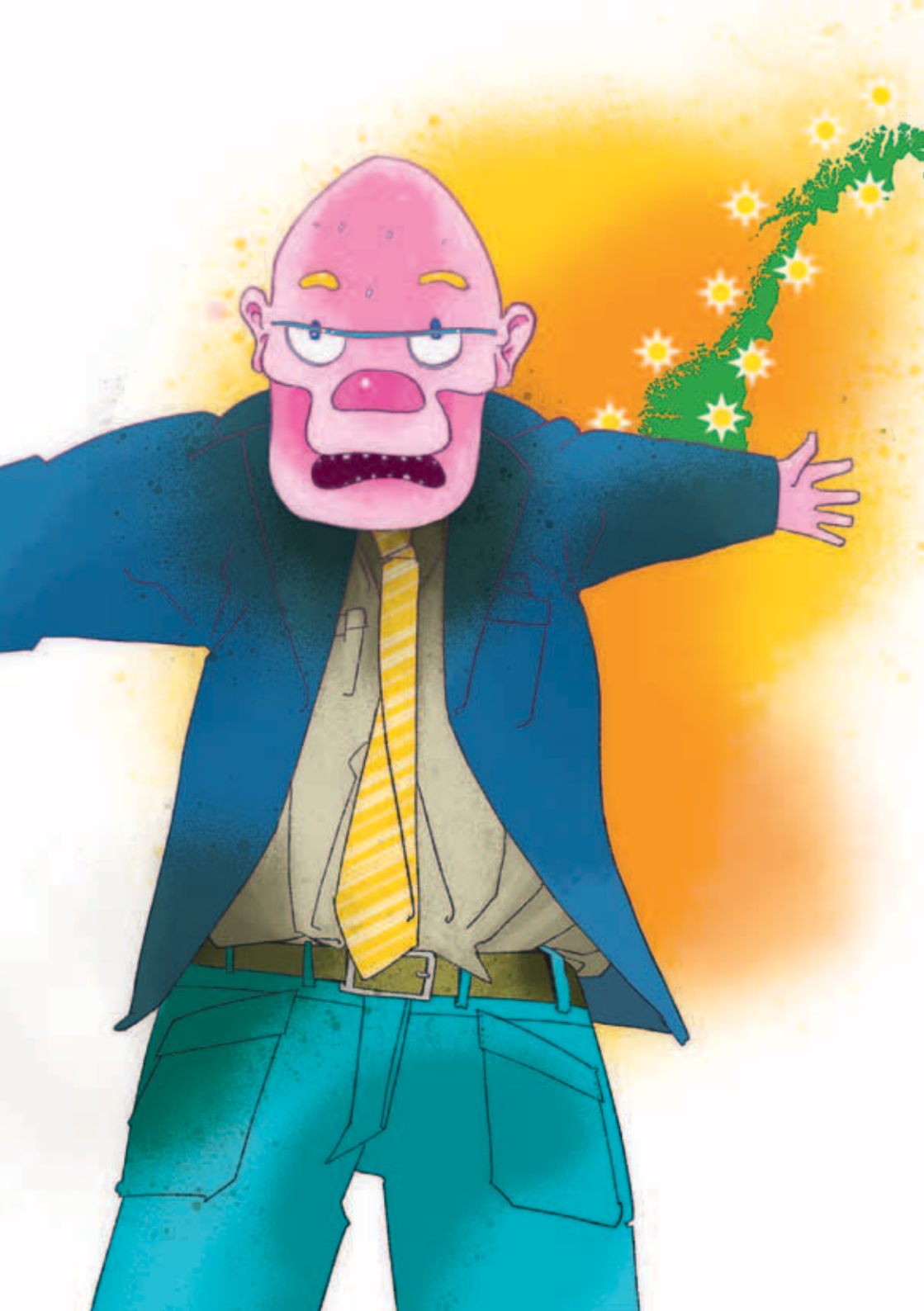
– Мне казалось, что сейчас должен быть прогноз погоды, – прокомментировал отец.

– Тсс, – сказала Ханна. – Я действительно пытаюсь услышать, что он говорит.

– Мы не должны спать! – призывал Шторм с экрана и поднял сжатый кулак, чтобы подчеркнуть серьёзность. – Небеса и град и все барометры: Мы должны проснуться! Политики должны проснуться! Земля выходит из равновесия, и мы её единственное спасение, – прогремел он, взглянул на часы, достал кусочек белой ткани из кармана и вытер капли пота со лба. – А в остальном, завтра во всей стране тёплая и солнечная погода. Как обычно.

– Да, это был – ммм – прогноз погоды, – сказал диктор со сдержанной улыбкой. – Итак, завтра снова хорошая погода. Программа новостей подошла за это время к концу, и мне остаётся только пожелать всем нашим зрителям счастливого четвёртого воскресенья Адвента.

– *Matta tia*, совсем позабыл об этом! – отец вскочил со стула, пошёл на кухню и начал рыться в шкафу.

Вскоре он вышел с фиолетовыми, наполовину сгоревшими свечами и адвентовским подсвечником из рулонов туалетной бумаги, который Ханна сделала ещё в детском саду.

– Я даже не купил подарки для рождественского календаря! – сказал он растерянно. – Не говоря уже о подарках на Рождество! Я обещаю это сделать завтра. *Promesso!** Надеюсь, ты не слишком разочарована? – Он обеспокоенно посмотрел на свою дочь. – Как правило, я никогда не забываю таких вещей, не понимаю, что со мной происходит.

– Всё хорошо, папа, – заверила Ханна. – Ты не единственный, кто забыл в этом году про Рождество. Собственно, нет духа Рождества с красными снегирями и рождественскими снопами для птиц и тому подобное.

В зарослях в саду послышался громкий свистящий стрекот, как флейта. Это продолжалось несколько секунд, а затем всё стихло. Людвиг вскочил со своего места под столом и огляделся в замешательстве. Через некоторое время звук послышался снова, точно такой же. И к нему присоединился ещё один, а потом ещё один. Скоро шум стал таким громким, словно детский парад по случаю 17 мая выстроился за кустами.

– Это цикады, – сказал отец, глядя пустыми глазами. – Только однажды я слышал, как поют цикады, когда мы были на отдыхе в Италии, мама, ты и я, много лет назад. Я никогда прежде не слышал их в этих краях. Может, цикады переместились на север из-за холода на юге.

– Может быть, – сказала Ханна тихо.

* Обещаю! (*ит.*)

Когда они убирали со стола, отец, как обычно, занялся кустами роз. Ханна пошла в свою комнату, чтобы почитать «Руководство для сыщиков от А до Я». В жёлтый блокнот она записывала полезные советы, например, как отследить секретную информацию в Интернете или то, что всегда следует записывать подозрительные номера машин. Последнее может показаться, возможно, старомодным, но некоторые методы настолько эффективны, что они никогда не устаревают. Жёлтый блокнот был почти полностью исписан, оставалось всего несколько пустых страниц. Вскоре ей придётся купить новый. Каким он будет по счёту? Четырнадцатый? Пятнадцатый? Иногда она

спрашивала себя, почему всё это делает? В Люрдале никогда не случалось ничего захватывающего. По крайней мере, за двенадцать лет, что она здесь жила. Однако, может быть, в один прекрасный день что-нибудь произойдёт. По крайней мере, этого нельзя исключать. Поэтому нужно быть подготовленным!

После того как Ханна дочитала главу, она достала коричневый кошелёк, который нашла в кустах вереска. Девочка осторожно вытщила всё содержимое и начала систематический досмотр. В отделении для банкнот было много денег, в основном в иностранной валюте. Ханна пристально разглядывала незнакомые буквы и поняла, что, вероятно, это были русские рубли. Большинство чеков тоже были из России, из различных ресторанов и гостиниц, а также здесь лежали билеты с новой выставки в Эрмитаже, посвящённой шторму в европейском изобразительном искусстве. Одно из отделений было набито визитными карточками различных виноградарей во Франции. Сама не зная почему, она взяла пару чеков и положила их в карман пальто. Никогда не знаешь, что может пригодиться. В крайнем случае, их можно использовать для тренировки русского алфавита. В кошельке лежали также две банковские карты и членские карты в фитнес-центр, а также в солярий «Белизна – не крутизна». На всех карточках было одно имя: Ларс Букк.

Про кошелёк отцу она ничего не сказала. Вероятно, он просто-напросто попросил бы вора самостоятельно вернуть его, так что лучше всего было взять дело в свои руки. Завтра, после школы, она лично отвезёт кошелёк Ларсу Букку и объяснит произошедшее. Она

также собирается разыскать родителей вора. Они имели право знать, что их сын встал на кривую дорожку. Возможно, ещё было не слишком поздно, чтобы спасти его. Так странно, что она раньше его не видела. Во всём Люрдале жили только 1787 человек. Несмотря на то, что она не со всеми была хорошо знакома, но она всех знала.

Перед тем как заснуть сегодня вечером, Ханна по привычке посмотрела на фотографию в рамке, которая стояла на подоконнике, зажатая между портретами Шерлока Холмса и Агаты Кристи. На фотографии женщина с гладкими светлыми волосами широко улыбалась. Её глаза смотрели прямо в камеру, но казалось, что взгляд направлен куда-то в другое место. В этот вечер Ханна представила, будто бы её мама агент ЦРУ и выполняет секретную миссию в Иране. В чёрной вуали и плотно запахнутом пальто она скользнула в толпу на переполненных тротуарах пыльных улиц Тегерана. Она была там уже несколько месяцев, и все думали, что она обычная и немного скучная женщина-дипломат. Запахнутое чёрное пальто – несколько непрактичный наряд на тёплом солнце, но в то же время это лучшая одежда для шпиона. Под широкой непрозрачной тканью можно было спрятать почти всё: документы, небольшие видеокамеры, микрофоны. Она была очень близка к цели, не хватало лишь нескольких важных документов...

ШТАБ МАСТЕРА

20.12, время: 23:34

Итак, ультимативная угроза отправлена.

Всё, абсолютно всё по графику. Ни одной помехи, ни единой загвоздки, ни одной ошибки.

Мой гений затмевает всё, побеждает всё.

Они всё ещё живут во тьме, слепые, как младенцы. Но скоро они поймут, как всё связано. И тогда они будут умолять на коленях. Рыдая, они дадут мне всё, о чём я прошу. Фонд, самый большой в мире! Вот что я хочу. И они отдадут его мне. У них нет выбора.

И тогда я буду самым богатым в мире.

Самым опасным.

Самым могущественным.